

АХ, ОДЕССА

Роман БРОДАВКО
Воспоминания о коммунальной квартире . . .303

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ
Боба308

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК
"Городок" — пятый угол310

Роман БРОДАВКО

Воспоминания о коммунальной квартире

В детстве у меня была высокая мечта: вырасти и переехать из коммуналки в самостоятельную квартиру, Эта мечта оказалась настолько возвышенной, что не осуществлялась до сорока лет. Зато я могу с гордостью сказать, что жизнь я изучал не по учебникам, и то, что мне пришлось услышать и повидать, не могло даже присниться ни Льву Толстому, ни Тургеневу, ни Миклухо-Маклаю.

Утро в коммунальной квартире начинается с рассвета, когда водитель трамвая Глаша, не раскрывая глаз, пробирается по темному коридору к туалету. Зловеще скрипят половицы, падают ведра, мелодично дребезжат кастрюли на кухне. Достигнув цели, Глаша открывает глаза и включает свет:

— Шура, мать твою, убери привидение, а то у меня сейчас все оборвется! — вопит Глаша.

В коридоре появляется Шура в ночной рубашке до пят. Она пинком открывает дверь в туалет, где, сидя на унитазе, спит ее любовник с двадцатилетним стажем Гиви, завернутый в белую простынь.

Гиви возвращают в постель, а Глаша, громко произнеся у порога: "Чтобы вы все провалились!" — оглушительно хлопает дверью и уходит на работу.

Через час по коридору в коричневом бархатном халате шествует Семен Семеныч: "Когда нас в бой ведет товарищ Сталин, ля-ля-ля-ля, тра-та-та-та!". Навстречу ему с ночным горшком в руках идет Марья Ивановна, действительный член географического общества.

— Палач! — шипящим шепотом приветствует она Семена Семеныча. — Жертвы не снятся?

— Сегодня мне приснились вы в полосатой робе и в белых тапочках, политкаторжанка! "Когда нас в бой ведет товарищ Сталин..." — и Семен Семеныч плывет дальше, к ванной комнате.

В семь тридцать коммунальная кухня напоминает машинное отделение старого парохода. Белые клубы пара от кипящих чайников, чад от пригоревших яичниц, кислый до слез запах вчерашнего борща.

— Мадам, отодвиньте ваш бюст от крана, мне надо набрать воды, — поет Семен Семеныч.

— Это не бюст, это совсем другое, — шипит в ответ тетя Соня. — В ваши шестьдесят восемь уже можно научиться отличать.

— У других я различаю, а у вас до сих пор не могу понять, что спереди, а что сзади.

В разгар коллективного приготовления завтрака раздается оглушительный стук в дверь. Это возвращается после ночной смены Шурин муж Ося. Он обнимается с Гиви, быстро завтракает, после чего падает на постель и храпит так, что пекинез тети Сони начинает жалобно скулить.

— Щоб ти здох разом із своєю хазяйкою, бісове цуценя! — раздается могучий бас отставного боцмана Тараса Остаповича. — Дожили! Справжнього собаку, щоб гавкав по-собачому, тримати нема кому!..

— Зачем держать большую собаку в квартире, когда есть ты, морская болезнь, — вопит тетя Соня. — На тебя же смотреть тошно!

— Соня, закрой очі назавжди і не дивись! — желает соседке Тарас Остапович и начинает мыть над кухонной раковиной грязные кирзовые сапоги, в которых ездит на рыбалку. Хозяйки замирают у кухонных столов, потому что при Тарасе Остаповиче любое слово теряет смысл.

Помыв сапоги, отставной боцман надевает их прямо на кухне и, оставляя на полу следы сорок пятого размера, удаляется в свою комнату.

На кухне появляется баба Зина, Осина мама, по прозвищу "ровесница века", хотя все убеждены, что она родилась гораздо раньше. Вслед за ней вваливается Глаша, которая поставила трамвай на запасную, чтобы "сделать базар" и забросить его домой. Она вываливает содержимое двух сумок на стол, и на кухне начинается консилдум.

— Глаша, сколько вы дали за эту говядину? Лично я бы ее в руки не взяла, — говорит тетя Соня, нюхая мясо.

— Потому что вам мясо не нужно, вы же варите борщ с мышами, — спокойно отвечает Глаша.

— Это кто вам сказал, что я варю борщ с мышами?

— Это я вам говорю, потому что вчера я вам лично положила мышь в кастрюлю.

— Проститутка! — не найдя нужного слова, вопит тетя Соня.

— Кто — мышь? — ехидно спрашивает Глаша.

— Когда у нас в местечке в 18-ом году был погром... — вступает в разговор баба Зина.

— Оставьте, Зинаида Самуиловна, — интеллигентным голосом прерывает ее Мария Ивановна, действительный член географического общества. — Когда в сорок шестом году я получила второй срок и отбывала его под Воркутой, там ели не только это!..

— ...А эти синие? Вам дали их даром или вы взяли их из урны? — не унимается тетя Соня.

— Если б я не боялась, что у меня сейчас угонят трамвай, я бы тебе показала, где я взяла эти синие...

Глаша уходит на запасную, а разговор на кухне переходит на другую тему — на тему искусства.

— Шура, вы вчера смотрели по третьей программе? При такой сумасшедшей жилплощади эта ненормальная Лолита ушла к нищему мерзавцу Хосе Игнасио!..

— Я бы тоже ушла, если бы не стояла в очереди на квартиру с 53-его года. А так у нас в комнате две семьи: я, Ося, его мать и дети...

— Когда у нас в местечке в 18-ом году был погром...

— Баба Зина, погром — это счастье по сравнению с жизнью в коммуналке, — вздыхает тетя Соня.

В кастрюлях булькает, на сковородках шипит, в духовках румянится. Беззаботные школьники Витя и Митя, сыновья не то Оси, не то Гиви, быстро проглатывают еду и бегут: один — играть на скрипке, а другой — молотить боксерскую грушу.

До пяти часов в большом коридоре царит тишина. В начале шестого распаивается входная дверь, и на всю квартиру раздается звериный рев Тараса Осиповича: "Розпрягайте, хлопці, коней!.." Это означает, что все пойманные им бычки проданы, и боцман, выпив положенные 250 граммов, причалил на заслуженный отдых.

В 6.00 в коридоре появляется бархатный халат с песней "Когда нас в бой ведет товарищ Сталин...". В 7.00 Ося уходит на ночную смену. В 7.30 — два длинных, один короткий — появляется Гиви. А в 8.00 на экранах всех телевизоров Хосе Игнасио обнимает Лолиту в кровати размером в нашу ванную комнату.

Так продолжалось изо дня в день, из года в год, пока Ося не получил вызов в Америку от своей дочери от первого брака, которую никогда в глаза не видел, потому что она родилась в Чикаго через девять месяцев после того, как он разошелся с ее матерью. И Ося твердо решил ехать к любимой дочери.

Шура сначала не знала, что делать с Гиви, но потом нашла выход и написала его с бабой Зиной. Наконец Гиви стал законным членом ее семьи!

Комнату со слезами на глазах приватизировали и продали фирме по торговле недвижимостью.

Осю, Шуру, бабу Зину с молодым мужем провожали всей коммуной. Глаша подогнала трамвай к самому подъезду. Тарас Остапович день не

пошел на рыбалку и вынес на себе все чемоданы и бабу Зину впридачу. Марья Ивановна, чтобы успокоить отъезжающих, сказано, что, когда ее забирали в первый раз в тридцать седьмом году, все выглядело гораздо хуже. Тетя Соня рыдала так, как рыдают только в мексиканских фильмах.

— Точь-в-точь как в 18-ом году, когда у нас в местечке был погром! — наконец к месту сказала баба Зина.

— Помните о Родине! — наставлял отъезжающих Семен Семеныч.

Глаша повесила на лобовое стекло табличку "В депо", и Осино семейство поехало на трамвае в Америку.

А на следующий день в нашей квартире появилось два стриженных молодца в кожаных куртках и спортивных штанах фирмы "Адидас" — представители фирмы по продаже недвижимости. На кухне было объявлено производственное собрание.

— Смотри, Хмырь, начальник! Век воли не видать! — шепнул один "Адидас" другому, указывая на Семена Семеныча.

— Здравствуйте, Лобов! — строго обратился к Хмырю Семен Семеныч. — Давно на свободе?

— Второй год, начальник. Мне срок по амнистии скостили. А теперь, братва, о деле. Хотим квартирку вашу раскоммунить. Всем отдельные хаты дадим, идет?

— А здесь кто жить будет? — хмуро поинтересовалась Марья Ивановна.

— Андрей Петрович Афанасьев, президент нашей фирмы, — с гордостью произнес первый "Адидас".

— Медведь, что ли, пахан ваш? — спросил Семен Семеныч.

— Он самый. Только теперь за эту кликуху он может любого замочить. Не советую, начальник!

— Я не согласна по принципиальным соображениям! — гордо заявила Марья Ивановна.

— Дура ты, Маша, — впервые обратилась к ней на "ты" тетя Соня. — Следующий раз ты получишь самостоятельную площадь только на кладбище!

Разъезжались каждый в одиночку: Глаша — на Юго-Западный массив, тетя Соня — на поселок Котовского, Тарас Остапович — тот вовсе в курень на берегу моря. Обещали ходить друг к другу в гости, по никто ни к кому так и не пришел.

А недавно я получил письмо из Америки от Шуры: "Родненький! У нас все хорошо. Ося опять работает в ночную смену. Баба Зина по-прежнему вспоминает о погроме. Не знаю только, что делать с Гиви: он говорит, что ему уже никогда не будет так хорошо со мной,

как это было в нашей коммуналке. Он говорит, что там ему стены помогали".

Все проходит. Снашиваются костюмы, перестают работать старые холодильники, и мы, чертыхаясь, меняем их на новые. Но не снашивается память. И по воскресеньям, гуляя по городу, я подхожу к дому, где в коммуналке прошла большая часть моей жизни, смотрю в ярко освещенные окна, за которыми живет неизвестный мне Медведь, и вспоминаю только хорошее. Я уверен, что тот, кто прошел через коммуналку, может по-настоящему оценивать добро и зло в этом необъятном пространстве жизни.

